
КАТЕГОРИЯ РОДА В КАЛМЫЦКИХ ГОВОРАХ

Принято считать, что в монгольских языках, в том числе в калмыцком литературном и его говорах, отсутствует категория грамматического рода [Санжиев: 73-74]. Правда, в них наблюдаются лексические обозначения представителей того или иного пола, например, слово 'эре' обозначает представителей мужского пола и может быть переведено как «мужчина». Это слово в сочетании с нарицательным именем, обозначающим животных, передает понятие «самец», например, эре така: «петух», эре һалу:н «гусак», эре һаха: «хряк, боров» и т.д. Аналогичное явление наблюдается со словом эме «женщина», а также обозначающим животных женского пола в значении «самка», ср. эме һаха: «свинья», эме така: «курица». Слово эме в данных сочетаниях нередко может заменяться словом кү:кен «девочка», ср. кү:кен така: «курочка», кү:кен һалун «гусыня».

Помимо таких способов обозначения пола существуют специальные слова, обозначающие тот или иной пол, например, гү:н «кобыла», ажирһы «жеребец», бэ:сен «двухгодовалая кобылица», сарва «двухгодовалый жеребчик».

Относительно пола людей также существуют специальные слова, например, эке «мать», эцке «отец», көвү:н «мальчик, сын», кү:кен «девочка, дочь», ахы «брат», экчи «сестра». Однако подобные слова не должны относиться к категории рода, это просто лексическое обозначение пола, хотя в русском языке они соответственно полу относятся к тому или иному роду.

Принадлежность к роду должна определяться не тем, какой пол обозначает то или другое слово, т.е. не лексическими показателями, а грамматическими, как, например, русское

слово женского рода парта, где показателем грамматического рода является окончание -а. Подобно этому в исследуемых говорах и подговорах, как и в литературном языке, для обозначения женского пола животных используются специальные аффиксы -гчин, -жин. Например, боры «серый» - борыгчин «серая», хунын «трехлетний» - хунжин «трехлетняя», ула:н «красный» - улагчин «красная».

Для обозначения пола животных в зависимости от возрастных особенностей, кроме аффикса -жин, обозначающего женский пол, также употребляются аффиксы -нын, -нен, которые, обозначая особей мужского пола, присоединяются к корню числительных, передающих возраст животных и называемых возрастными числительными, например, хунын - «трехгодовалый» - хунжин «трехгодовалая», дөнен - «четырёхгодовалый» - дөнжин - «четырёхгодовалая».

Аффикс -нын (-нен) в сочетании с теми же корнями употребляется и для обозначения возраста людей (детей) независимо от пола, при этом возрастные числительные выступают в атрибутивной функции, ср. хунын наста «трехгодовалый, трехгодовалая», дөнен наста «четырёхлетний, четырёхлетняя».

В функции определения слова с аффиксами женского рода -гчин, -жин утрачивают конечный -н, ср. харыгчин «вороная, воронуха» - харыгчи гү:н «вороная кобылица», борыгчин «серая» - борыгчи гү:н «серая кобыла». Исключение составляет слово өлегчин «сука, самка», которое обозначает масть и возраст, а также женский пол, и при сочетании с поясняемым словом прочно удерживает конечный -н, ср., өлегчин чон «волчица, волчиха», өлегчин ноха «сука, самка собаки», өлегчин барс «самка барса».

В приведенных примерах, в которых и определение, и определяемое слово показывают принадлежность к женскому роду (полу), происходит как бы согласование в роде, как это наблюдается в русском языке. Однако, для калмыцкого языка и говоров передача одной и той же категории и в определении, и в определяемом слове - большая роскошь. Язык идет на разгрузку, на опрощение, и в определении не обязательно давать показатель женского рода (пола), например, хар гү:н «вороная кобылица», ула:н үкер «красная корова». Также существуют другие способы передачи категории женского рода,

например, Доржи - Доржима, Балжир - Бальжирма, Нигмер - Нигмэ - Нигтэ, Лижи - Лижэ, Басынг - Баса, Босхымжи - Босха, Нучин - нуча, һэрэ - һу:ра, Саңжи - Саңһа.

Также существуют мужские и женские имена:

мужские - Манжи, Түрвэ, Пүрвэ, Эрдне, Эдег, Сакка, Сарынг, Даңка, Андюш, Жажуш, Бошлан, Чингис, Алдыр, Мэрген;

женские - Кэрмен, Булһын, Гэрел, Нү:длэ, Киштэ, Ганжа, Эңгел, Кокка, Бадма, Анжа, Бобба, Шарин, Халһы, Дошан, Буга, Мата.

Все вышесказанное относится к предметам одушевленным и касается биологического различия пола, не распространяясь на неодушевленные, как это мы наблюдаем в русском языке. Однако от этого язык не страдает, подобно тому, как не страдает русский язык от того, что глаголы настоящего и будущего времени не согласуются с подлежащим в роде, ср., Маша идет, Миша идет, корова придет, поезд уйдет. В данных примерах уже по подлежащему видно, о чем идет речь, к какому роду относится слово. Поэтому здесь, надо полагать, действует закон экономии. В этом отношении калмыцкие говоры и литературный язык экономичнее и проще русского и других языков, в которых имеется развитая категория рода.

Однако следует отметить, что в монгольских языках, видимо, когда-то существовала категория лексико-грамматического рода, не связанная с передачей биологического пола. Академик Б. Я. Владимирцов отмечает, что существует значительное количество парных слов, отличающихся только тем, что одни из них принадлежат заднему ряду, другие - переднему, сохраняя одно и то же или же близкие значения [Владимирцов 1929:126-127]. При этом слова твердого ряда обозначают мужской род, а слова мягкого ряда - женский, например, цаһан «белый» - цэгн «белая, светлая, прозрачная», цолы - чөлэн «досуг», давшихы - дэвшихе «лезть, подниматься» арсылың «лев» - эрселең «львица», һатылхы «переходить, переправляться» - гэтелхе «миновать», аадмыг-ээдмег «творог», чадхы - чидхе «мочь», гада:хы - гэдэ:хе «выпрямляться».

Следует заметить, гласные твердого ряда в общей монголистике называются мужскими, гласные переднего (мягкого) ряда - женскими. Э. Тейлор отмечает, что язык

всегда делает замечательно - меткое различие между сильным и слабым, суровым и мягким, грубым и нежным, когда противопоставляет их как мужское и женское [Тэйлор 1939: 216]. Эти слова можно отнести и к монгольским языкам, в частности, калмыцкому языку и его говорам. Такая простая сингармоническая форма категории рода в монгольских языках нередко помогает пролить свет на темные места развития языка. Так, в калмыцком языке существует слово ирвес «тигр», также имеется выражение «чидлень арвыс». Затемненное значение этого выражения проясняется при сингармоническом противопоставлении арвыс - ирвес. Отсюда можно сделать вывод, что арвыс - это «тигр, самец», а ирвес - «тигрица, самка».

Как можно заметить, категория рода, базирующаяся на сингармонизме, охватывала и именные, и глагольные части речи и была довольно-таки распространенной в монгольских языках. Однако она не получила дальнейшего развития, ибо базировалась на фонетико-лексической основе и предполагала наличие в словарном фонде хотя бы двух форм (мужской и женской) для каждого слова. Это увеличило бы объем всего словарного фонда в два и более раза. Язык не мог допустить такого раздувания лексики. Ему легче было отказаться от категории рода, что он и сделал.

Грамматические формы и аффиксы женского рода - гчин, -жин, показатели полового биологического рода, не получили дальнейшего развития, остались с ограниченным числом слов. Так лексико-грамматическая категория рода была загублена на начальном уровне.

Это деление лексики монгольских языков на слова мужского и женского родов, возможно, породило так называемый женский язык, в котором, вероятно, первоначально употреблялись только слова женского пола.

Литература

1. Санжеев Г.Д. Следы грамматического родства в монгольских языках // Вопросы языкознания. М., 1956.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольско-письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
3. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.